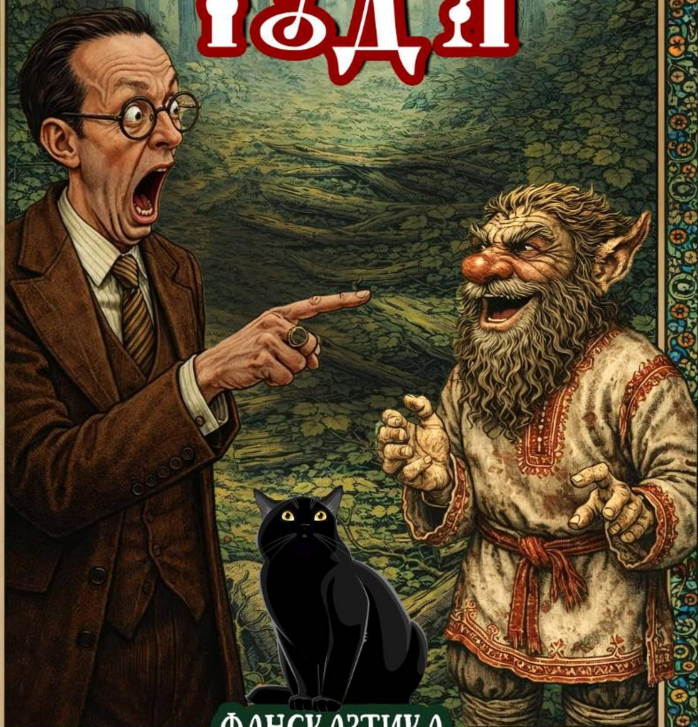


АНДРЕЙ ТРУШКИН

ПО ТУ СТОРОНУ
ЧУДА



ФАНСКАЗТИКА

Андрей Трушкин

По ту сторону чуда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73306108

SelfPub; 2026

Аннотация

Старые леса хранят тайны. В этом убеждается Васька Карасёв, приехав на летние каникулы в родную деревню Карасёвка. Оказалось, с детства знакомые места полны загадок. В заповедном лесу Васька случайно находит скит давно умершего отшельника. Клад инока с виду неказист – старая книга и бутылка с какой-то жидкостью. Отведав чудодейственный напиток, мальчишка "прозревает" – начинает видеть всю нечистую, неведомую и крестную силу... находка оказалась весьма своевременной. Бизнесмен Полукошкин решает провести через заповедные леса автостраду. Предотвратить гибель леса и живущих в нем существ Ваське помогут домовые, машинные, леший, русалки, водяной, Индрик-зверь... Надолго запомнит Полукошкин и его подручные как соваться туда, куда тебя не просят... Книга входит в авторскую серию "Фансказтика".

Содержание

АЗ есмь Васька	4
БУКИ, бяки и заброшенный скит	15
ВЕДИ меня, мое чутье	26
ГЛАГОЛЬ не жжет сердца купцов	31
ДОБРО покойного отшельника	36
ЕСТЬ такая буква – «Птица Сири́н»!	46
ЖИВЕТЕ и ничего не знаете...	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Трушкин

По ту сторону чуда

АЗ есмь Васька

Скучно, скучно, скучно!

Васька Карасёв шел вдоль забора и палкой срубал роскошные лопухи. Они падали, планируя, как парашюты, и иной раз Ваське удавалось разрубить такой лопух еще и пополам – прямо на лету.

Нет, здесь, конечно, в деревне, классно: есть и лес, который еще никогда не видел дачников, а потому был полон грибов, ягод и зверья. Есть и река, в которой никто никогда не мыл автомашину, а уж тем более не подводил туда стоки промышленного предприятия. Есть и луг, на котором можно бегать сколько хочешь, не думая, как в городе, о том, какой светофор сейчас горит на перекрестке – красный или зеленый.

Да, здесь, в деревне, конечно, классно.

Но скучно.

Васька Карасёв глубоко и грустно вздохнул. Но делать было нечего – каникулы только начинались, из города его увезли... Выбраться из Карасёвки можно или пешком, или на родительской машине. Здесь даже интернет не ловится. Во-

обще. Никакой.

От нечего делать Васька послонялся по двору, пугая кур, бросающих на него недовольные взгляды, попинал мячик. Сел на лавку, подпер руками подбородок и вгляделся в даль. Если бы деревня была побольше или к ней вела бы мало-мальски ухоженная дорога, был бы здесь и клуб, и магазин, может быть, даже и кино. Но Карасёвка была не то чтобы маленькой деревней, ее, можно сказать, и вовсе не существовало. Да-да, Васька сам видел на карте среди необозримых лесов маленькую точку с надписью «Карасёвка» с припиской внизу: «Заброшена».

Топографы ошибались. Здесь, в Карасёвке, до сих пор жили его дедушка и бабушка, их двоюродная сестра и еще несколько человек, так что окончательно деревня еще не вымерла, и крапивой с лопухами сплошь не заросла. Нет-нет, да и слышался в воздухе густой, довольный рев коровы, по утрам орали два деревенских петуха, и недовольно мекала коза Машка. Бабушка и дедушка здесь жить привыкли и в деревне им вовсе не казалось скучно. Они даже утверждали, что им постоянно не хватает времени – хлопотали то по огороду, то по дому. И хоть дел было невпроворот Ваське поручали далеко не всякую работу. Даже на сенокос дед брал его неохотно, видимо, не веря в силы тщедушного городского подростка. Да и бабушка, когда занималась соленьями-вареньями, все пыталась всучить Ваське свежую плюшку, да и отослать его куда-нибудь подальше, чтобы он ненароком не

разбил дефицитную трехлитровую банку.

А так вообще в деревне классно.

Но скучно.

В который раз обдумывая эту мысль, Васька нехотя поднялся, потянулся и взбежал по скрипучим, теплым от солнечного света ступенькам на крыльцо. В доме было тихо. Он прокрался к лестнице, которая вела на чердак. Может быть там найдется что-нибудь интересное? Дом будто был союзником хозяев: выдавал каждое осторожное движение Васьки. Вообще-то ему лазить на чердак не запрещалось, но бабушка бы переживала, узнав, что он роется в пыльных вещах и теперь у любимого чада, не дай бог, разыграется какая-нибудь аллергия. Аллергия у Васьки, конечно же, была. Но всего лишь одна – аллергия на скуку.

Отворив самодельный засов, Васька приоткрыл дверь и, словно боясь застать кого-нибудь врасплох, заглянул на чердак. Здесь было сухо, тепло и густо пахло березовыми вениками, которые дед развешивал сушиться на веревочке под самой крышей. Васька затворил за собой дверь и огляделся.

Стоит, пожалуй, начать вот с этой большой корзины. Что тут у нас? Тэк-с... Старые болотные сапоги, из которых еще можно вырезать части для рогатки. Ватник. Но это не актуально, не по сезону. Учебник русского языка для пятого класса. Лучше спрятать поскорее, и так за год учебники надоели. А это что такое?

Васька потянул за край какие-то желтые бумаги, сверну-

тые в трубку. Пышный ком пыли, вывалившийся из нее, шлепнулся на пол. Васька чихнул. От этого пыли в воздухе стало еще больше, и мальчишке пришлось вместе с пачкой бумаги ретироваться к слуховому окну.

– Ну и что, что это у нас? – вертел Васька в руках солидную стопку ломкой от сухости газетной бумаги. Бумага никак не хотела разворачиваться в нужном направлении, и Васька очень быстро извазюкался с ног до головы в пыли.

– А-а-а, – наконец разобрался он с находкой. – Газета «За рубежом». Ишь ты! За 1967 год! – уважительно посмотрел он на выходные данные. – Ну и что там у нас, в 1967 году происходило?

Васька развернул газету поудобнее, откинул чуть назад голову, прищурился, как это обычно делал дед в редкие минуты досуга, в пятьдесят второй с половиной раз перечитывая любимую книгу «Угрюм-река».

«Летающие тарелки» – бросился в глаза красным цветом заголовка. «В первое воскресенье сентября в южной части Англии произошло чрезвычайное происшествие, – сообщал автор заметки. – Среди бела дня на землю, шипя и посвистывая, опустились шесть загадочных предметов. По виду ни дать ни взять – летающие тарелки, о которых уже столько писалось и говорилось».

– Хм-м, – заинтересовался Васька и, поскольку читать было неудобно, подвинул поближе старый сгорбленный чемодан и оседлал его.

«Озадаченная полиция, – сообщали на следующий день английские газеты, – срочно вызвала на место происшествия сверхсекретные службы обороны. В операции по поимке летающих тарелок приняли участие вертолеты королевского военно-воздушного флота».

– Надо же! – удивился Васька, – тогда уже были вертолеты?

«В общем, суматоха была порядочная и продолжалась она до тех пор, пока в Кливленде местный инженер с помощью обычного зубила не вскрыл таинственный диск. В нос ему ударил неприятный запах».

– Протухли они там, что ли? – сделал предположение Васька. – Как устрицы в консервной банке.

«Лабораторный анализ позволил установить, что дурно пахнущая жидкость – не что иное, как помой для свиней».

– Вот те раз! – рассмеялся Васька. – Как они в летающую тарелку попали?

«Кроме того, в содержимое летающей тарелки входили два аккумулятора, передатчик и громкоговоритель. В тот же вечер отыскились и виновники переполоха. Ими оказались студенты, проводившие благотворительную кампанию по сбору 2000 фунтов стерлингов и решившие привлечь внимание публики. Как это издавна водится в Англии, – с помощью необычного розыгрыша. Разделившись на группы, они разбросали изготовленные своими руками из пластмассы и стекловолокна и выкрашенные под алюминий диски на при-

мерно равном расстоянии вдоль устья Темзы. – Это должно было усилить впечатление от целой группы летающих тарелок, – признался один из организаторов затеи. – Мы хотели потренировать полицию на случай высадки чужих кораблей из космоса. Переполох превзошел все наши ожидания».

– Да, – мечтательно возвел глаза к мощным балкам на венце крыши Васька. – Вот бы и мне тоже потренировать тут кого-нибудь на случай непредвиденных обстоятельств. Так ведь у нас тут не то, что полиции или милиции, даже участкового нет! А было бы здорово, – захихикал Васька. – Выходит так бабушка или дедушка утром – корову подоить, а тут сверху падает такая огромная жестяная летающая тарелка и... хрясь о землю!

Васька уже стал прикидывать, из чего можно было бы соорудить летающую тарелку и как установить ее на крыше, чтобы она упала в нужный момент, но понял, что материалов, кроме старого ржавого корыта и парочки ведер, у него нет. Да и потом – сделать что-нибудь втайне было нереально. В деревне Карасёвке, увы, все было как на ладони.

Рассмотрев как следует мутные фотографии с места происшествия в 1967 году, Васька перелистнул несколько страничек. Далее его привлекла заметка «Ограблен чародей»: «Как сообщает западногерманская газета, некий Поль Росси похитил в костюмерной миланского театра костюм чародея и решил прогуляться в этом наряде по городу. Полиция арестовала незадачливого грабителя в одном из ресторанов по-

сле того, как он привлек внимание публики. Из его карманов стали выскакивать кролики и вылетели два голубя».

Васька снова захихикал, но сделал это неосторожно, подняв в воздух пыль. Мальчишка принялся отчаянно чихать, потом закашлялся и, опасливо поглядывая на пыльные бури, поднимающиеся с пола при каждом его чихе, прихватил подшивку и позорно бежал с чердака.

Он вытащил на лужайку старое одеяло, как следует потряс подшивку и углубился в чтение. Однако ближе к обеду злое солнце согнало его с насиженного места. Да и газета начала надоедать. Нужно было срочно искать другое интересное занятие.

Лук! Как мог Васька забыть о такой шикарной идее! Еще в городе, когда поездка в деревню только планировалась, он решил, что обязательно в Карасёвке сделает удочку и лук для стрельбы. Но удочку делать было уже поздно: кому же охота тащиться на речку в такую жарень?! А вот насчет лука можно было бы и посмотреть.

Васька, спрятав газеты и одеяло, зашел в прохладный сумрачный сарай и принялся среди разных заскладированных вещей искать какую-нибудь палку, из которой можно было бы сделать лук.

Луки Васька пытался делать неоднократно. Вначале он, по незнанию, срубал зеленые ивовые ветки, но те не желали как следует разгибаться, и лук получался слабым. Если же Васька пробовал натянуть тетиву как следует, то непрочная

ива тут же ломалась. Вначале Васька пошел по неверному пути: он пытался срубить еще более толстые ивовые ветки, чтобы они не тресали по швам, когда он будет натягивать тетиву. Позже Васька понял, что лучше брать ветки других деревьев. Из ветви вишни ему удалось сделать весьма неплохой лучок. Но, к сожалению, тот не прослужил ему больше месяца. После того, как дерево сильно высохло, оно хряснуло, и с оружием пришлось расстаться.

Что попробовать на этот раз? Нужно было найти какой-нибудь гибкий и сухой материал. Может быть, что-нибудь срубленное в прошлом году? Или отпилить кусок вон от того шеста? Васька вертел головой, пока не заметил наверху, под потолком, засунутую на пару прибитых реек грудку деревянных грабель и лопат. Может, там спрятано что-то вроде шеста? Васька, пыхтя, подкатил старую бочку к интересующему его месту, запрыгнул на нее и принялся рыться в садовом инвентаре.

– А это что такое? – вытянул он на себя широкую лыжу, обломанную ближе к краю. – А, старые охотничьи лыжи! Интересно, почему дед их не выбросил? Наверное, хотел снять ремешки и крепления, да было все недосуг, поэтому так и положил. Помочь что ли деду снять крепления? – задумался Васька.

И тут его осенило. Васька придумал, как сделать классный лук! Торопясь, будто мысль могла выскочить из его головы и белым голубем упорхнуть в небо, Васька вытянул из кучи

обе покалеченные лыжи. И помчался вместе с ними под навес, где у деда стояли тиски и был разложен всякий инструмент. Напевая мотивчик из Пятой героической симфонии Бетховена, Васька с помощью отвертки и плоскогубцев живо оторвал кожаные крепления и повесил их на гвоздик. Потом настал черед плотницкой пилы. Ею Васька отхватил отломанные концы лыж. Те концы, которые были загнуты вверх, у лыж уцелели. И это было самое главное! Прищурившись, Васька совместил две лыжи. Да, именно так и нужно поступить. Загнутые концы станут рогами лука, а серединку надо бы чем-нибудь скрепить. Ваське понравилась идея, поэтому он решил воплотить ее как можно качественнее. Рубаночком он подстрогал те места, которые собирался соединять, потом крепко перевязал их проволокой, просверлил в двух местах и скрепил короткими болтами. Пошуровав у деда в ящиках, он нашел толстый моток бечевки и аккуратно обмотал ею место, где он соединил лыжи. Лук получился достаточно увесистый, но это Ваську не пугало. Главное, как он будет стрелять!

Галопом сменив репертуар с серьезного Бетховена на более легкомысленного Штрауса, Васька помчался на кухню, где он видел кусок веревки. Конечно, по-хорошему нужно было спросить у бабушки, а не нужен ли ей этот кусок веревки, положенный туда еще в 1967 году, когда в здешнем доме выписывали газету «За рубежом»? Но ясно было наперед, что бабушка всплеснет руками и скажет, что именно с 1967

года она именно этот моточек веревки и ищет, наконец-то нашла и его нужно положить именно на то самое место, где Васька его взял, и забыть о нем навсегда. Поэтому Васька не стал никому ничего говорить, вернулся с веревкой под навес, сделал петлю, зацепил ее на один рог лука и, перегнув его через бедро, принялся натягивать тетиву.

Вскоре веревка, будто басовая струна контрабаса, загудела в воздухе. Уже сейчас Васька с замиранием сердца понимал, что он держит в руках лучшее произведение оружейных дел мастера XXI века Василия Карасёва. Оставалось изготовить две-три стрелы, и можно было идти стрелять.

Со стрелами Васька разобрался быстро. Еще с прошлого лета оставались у него заготовочки – длинные камышины, спрятанные на чердаке сарая. Притащив лестницу, Васька залез в тайник и принялся прорубаться к нему сквозь остатки прошлогоднего сена. Но вот, наконец-то! Камышины лежали на месте. Хотя они высохли и сменили свой зеленый прошлогодний цвет на желтый, но остались по-прежнему ровными и были достаточно легкими. Васька быстро привернул к ним наконечники из проволоки, закрепил их проскогубцами и пошел в огород.

– Тэк-с, – прищурил он левый глаз и натянул лук. – Какого бы врага поразить в первую очередь? Может быть, сбить вон то масенькое зеленое яблоко?

Но стрелять в такую маленькую мишень из неопробованного лука Васька не рискнул. Тут на глаза ему попало пу-

гало, обряженное в старое довоенные пальто, застегнутое на две чудом уцелевшие пуговицы, со ржавым ведром вместо головы, в фетровой, побитой молью, шляпе и множеством консервных банок, навешанных со всех сторон. При каждом порыве ветра консервные банки вздрагивали, звенели, отгоняя от огорода прожорливых пернатых.

Васька прицелился, натянул, что было сил, тетиву и резко отпустил ее. Стрела чуть слышно свистнула в воздухе и ударила пугало в лоб с такой силой, что переломилась пополам. Пугало изумленно крикнуло и стремительно повалилось на землю. Грохнулось оно так, что, казалось, все колорадские жуки на картофельном поле с испугу попадали вниз и поползли прочь – на историческую родину в Америку.

На шум из коровника выглянул дел и погрозил Ваське черенком вил. Испуганный младший Карасёв подбежал к пугалу, кое-как водрузил его на место и с уважением посмотрел на лук. Вот это да! С тридцати шагов камышовой стрелой пробило пусть и ржавое, но все-таки железо, из которого было сделано ведро. Да, с этой штукой нужно обращаться бережно. Задумавшись, Васька решил в пределах двора больше не стрелять, а то, не дай бог, попадешь в окно или еще куда-нибудь. Тогда взбучки от деда точно не избежать. Лучше всего пойти в лес...

БУКИ, бяки и заброшенный скит

Васька взял оставшиеся две стрелы, закинул лук за плечо и зашагал в сторону сосняка, кивающего ему молодой пушисто-изумрудной кроной. Приветливость леса, однако, оказалась обманной, потому что очень скоро Ваське пришлось пробираться сквозь завешенный паутиной орешник, который вскоре уступил место черному торфянику. Прыгая с кочки на кочку, Васька оглядывал расстилавшееся перед ним болотце. Ну вот, еще два прыжка, и он оказался на сухом месте. Васька, исследовавший этот близкий лес прошлым летом, шел вперед медленно, но уверенно. То и дело он подбирал с земли шишки и пулялся ими в ближние деревья. Наконец, он вышел на поляну, где совсем недавно, лет пять назад, выгорел лес. Теперь вместо могучих сосен здесь росла низкая курчавая травка, из которой высоко выпрыгивали вверх зеленые шести люпина, обвешанные нежно-розовыми цветами. Васька достал стрелу, натянул тетиву до груди и послал стрелу вдаль, к концу полянки.

Лук превзошел все его ожидания. Стрела, легко преодолев длину поляны, унеслась в лес и беззвучно в нем сгнула.

Искал стрелу Васька целых полчаса. Правда, с перерывами, поскольку на пригорках манили красными ягодами, похожие на жирненьких божьих коровок, земляничины. Васька уже был весь перепачкан зеленым соком травы на колен-

ках и красным соком ягоды вокруг рта, но стрелу так и не нашел. Решив поискать поляну побольше, поскольку стрела у него осталась последняя, он весело зашагал вперед. Раза три ему попадались полянки, но были они еще меньше той, на которой он посеял первую стрелу, и поэтому Васька упорно шел и шел вперед. Если бы он более внимательно присматривался к теням, которые густо отбрасывали встречающиеся на пути ели, он бы заметил в них какое-то шевеление и суетню. Казалось, там, у торфяных болотах, бегала на мягких лапах компания каких-то проказливых существ. Но, наверное, предположить такое мог бы только человек, обладающий богатой фантазией. Фантазии же Васьки простирались сейчас не далее какой-нибудь широко-окой и дли-инной поляны. Конечно, хорошо бы, чтобы посредине этой поляны стояло бы примерно такое же пугало, как было в огороде. Но это, вздохнул Васька, невозможно.

Мало-помалу лес становился все более угрюмым и неприветливым. Если раньше Васька мог свернуть совершенно спокойно хоть налево, хоть направо, поскольку янтарные стволы сосен росли на некотором удалении друг от друга, то теперь еловый лес словно вел его куда-то, открывая ему путь строго на север. От того, что все кругом стало как-то серо и хмуро, и настроение у Васьки несколько упало. К тому же ему все казалось, что кто-то чавкает кругом по болотцам. Васька даже приостановился на секунду, крутя головой. Ну да, действительно, будто кто-то то ли воду лакает, то ли пе-

реходит с места на место.

– А, ладно! – Васька пожал плечами. – Наверное, лосенок бродит. Это даже интересно. Может быть, удастся его увидеть.

Жаль, что он с собой из города фотоаппарат не привез. Сфотать бы какую-нибудь животину! Вот бы ребята завидовали! Да они б, наверное, завидовали, если бы он привез снимок обыкновенной коровы или козы, которых большинство его одноклассников никогда живьем не видели.

Васька прошагал вперед еще шагов пятьдесят и уже было решил возвращаться домой, так и не найдя заветную поляну, как впереди замаячил прогал.

– Ага! – заинтересовался Васька и ускорил шаг.

Будто почтительно расступаясь перед хозяином, толпа елей в темно-зеленых, сафьяновых кафтанах разошлась, открывая большую плоскую проплешину в лесу. В середине ее стоял остаток огромного обугленного дуба. Видимо, совсем недавно молния ударила в это гигантское дерево, спалила его дотла, а заодно и весь окружающий лес. С тех пор здесь даже не выросла молодая поросль деревьев, что Ваське было на руку. И цель стояла почти в середине поля, и за судьбу стрелы можно было не волноваться. Васька выстрелил по дубу, но промазал. Обошел дуб с другой стороны, нашел стрелу, выстрелил второй раз. И опять мимо цели. Пожал плечами и, осмотрев лук, он снова, как Иван-царевич, двинулся искать стрелу. Решив попробовать в последний раз, он тщательно

прицелился, натянул лук до отказа и резко отпустил тетиву. Та сердито гуднула; стрела, будто прощаясь, залихвастски свистнула и, подхваченная потоком ветра, поднялась чуть не выше вековых елей, плотными рядами стоящими вокруг поляны.

– Вот угораздило! – запереживал Васька.

Поскольку стрела была последняя, надо было ее разыскать.

Лес, будто признав в камышовой стреле своего собрата, не собирался пропускать Ваську вглубь. Нижние сухие, трескучие ветви елей цеплялись за рубашку. Откуда-то вдруг налетело надоедливое комарье. Мох, издавека приветливый, прятал в себе сучки, которые впивались в подошвы. Но, раздвигая ветви руками, перешагивая через бурелом, Васька шел вперед. Он поглядывал то на землю, то на ветви, решив, что желтая камышовая стрела должна быть видна на темно-зеленом фоне леса. Увлеченный поисками, он чуть не уткнулся носом в удивительное сооружение. Пройди он левее или правее метров на пять, наверняка он бы не заметил это пирамидообразное строение. Сделано оно было чудно: несколько толстенных дубовых бревен было поставлены под острым углом друг к другу на манер вигвама. Когда-то это сооружение от дождя прикрывала дранка, о чем свидетельствовали остатки прикрепленных там и тут к бревнам щепок. Васька тронул одну из них рукой. Она была не просто сгнившая, а трухлявая. Мощные пласты мха, местами поседевшего от

времени, закрывали пирамиду чуть не доверху, отчего она будто растворялась на белесо-зеленом фоне древних елей.

Васька, удивленно присвистнув, пошел вдоль необычной стены и вскоре заметил вход. Странная треугольная дверь еле угадывалась под плотным слоем мха. Васька озадаченно посмотрел на нее. Может быть, войти? А вдруг появится хозяин и надает ему по голове? Небось Ваське не понравилось бы, если бы в его отсутствие кто-то шарил по дому.

Мальчишка хотел развернуться и пойти прочь, но тут заметил, что подступы к двери были завалены толстым слоем сухих иголок. На них никаких следов не было. Здесь явно никто не появлялся по крайней мере с прошлой зимы. Васька прокрался к двери и стал осторожно шарить, пытаясь найти ручку. Легкого прикосновения хватило, чтобы дверь, даже не скрипя, а чуть шурша, опрокинулась внутрь. Васька с испугу сначала было отпрянул, но потом посмеялся над своими страхами. Да, здесь, наверное, не с прошлой зимы никого не было, а с позапрошлого века! Аккуратно пробуя дорогу перед собой ногой, Васька зашел в скит.

Он уже догадался, что случайно нашел жилище какого-то отшельника. Бывали такие, ему бабушка рассказывала. Уйдет человек по какой-нибудь причине в лес, да там и живет. То ли общество других людей становится ему противно, то ли грехи замаливает, то ли скрывается от кого. Как бы то ни было, Васька настоящего скита никогда не видел, потому решил как следует его рассмотреть: когда еще такой случай

представится!

Хорошо, что он пробовал дорогу впереди, потому что совершенно сгнивший пол проваливался под ним, будто был сработан не из досок, а из бумаги. Однако поперечные балки, на которых крепился пол, были еще крепкими. Васька, заметив одну из них, зашел внутрь пирамиды.

Никакой мебели он здесь не увидел, разве что ее остатки. Стол, будто раненое животное, рухнувшее на передние ноги, догнивал в углу. Рядом с ним, словно ушедший по самую крышку в болота, лежал табурет. А направо Васька увидел огромный дубовый, грубо обтесанный комель, похожий на колыбель. Однако, колыбель, вероятно, была рассчитана на какого-то великанского дитя. Васька, вытягивая голову вперед, поскольку в скит света проникало не так много, двинулся дальше. Шажок за шажком, прислушиваясь к предательски поскрипывающему дереву и с тревогой поглядывая вверх – не обрушатся ли сейчас на него дубовые балки, он приблизился к колоде и взглянул на то, что лежало внутри.

В следующие секунды он стоял на месте, беззвучно разевая рот, напоминая того самого карася, которого когда-то поймал первый житель деревни Карасёвки. Колода наполовину, будто пеплом, была покрыта толстым саваном лесного мусора и пыли. Из нее, переплетенные паутиной, поднимались кости. Рядом, будто склонив голову набок, скалился жуткий череп. Сверху еще угадывалась грудная клетка, в которую провалился висящий на шелковой нитке маленький

серебряный крестик.

Сказать, что Васька испугался, было бы мало. У него, что называется, волосы зашевелились от ужаса. Память услужливо стала подбрасывать всякие жуткие, виденные в кинофильмах или прочитанные в книгах сюжеты о встречах с мертвецами.

Однако этот мертвец, наверняка отмеченный богобоязненностью еще при жизни, теперь никакой агрессии не проявлял. Глубоко вздыхая, будто только что пробежал стометровку за обещанную пятерку в четверти, Васька стоял у самодельного гроба отшельника и то сжимал, то разжимал кулаки. Постепенно он успокоился и дикое желание бросить лук и бежать отсюда куда глаза глядят, улеглось. Васька, стараясь не смотреть на скелет, развернулся и, ступая еще осторожнее, чем прежде, двинулся к выходу. Возможно, его исследования на этом бы и кончились, но, опираясь на лук, он вдруг нажал на него слишком сильно, и тот провалился под пол, обрушив сразу несколько досок. Васька дернул лук на себя, но тот зацепился тетивой. Пришлось одной ногой спуститься вниз, чтобы посмотреть, что же там произошло. И тут Васька увидел...

Увидел то, от чего сладко дрогнула и заныла душа. Упавшая вниз доска стукнула по большому стальному кольцу, и от этого удара с него упали комочки грязи и налипшей плесени и мха. Если бы не доска, Васька вряд ли бы заметил это кольцо, даже разобрав весь пол. Мальчишка, одной ногой

стоя на пути к приключениям, а другой благоразумно оставаясь на дубовой перекладине, на минуту замер. Наконец, опасливо поглядывая в сторону мертвого отшельника, будто тот мог встать и отходить не в меру любопытного мальчишку клюкой, он нагнулся, освободил лук, отставил его в сторону и отбросил прочь несколько досок. Прикасаться к земле, насквозь пронизанной белесыми от нехватки света корешками какой-то гиблой, неживой травы, было противно. Но выяснить, что же могло храниться за крышкой сундука или какого-нибудь люка, очень хотелось.

Васька копался в земле долго, так что пальцы его застыли, и суставы начало покалывать неприятная иглистая боль. С тревогой поглядывая на дыру в крыше, словно там можно было разглядеть наступление заката, Васька упорно продолжал работу. Он только одним глазком взглянет, что там, – и быстро домой! А уж завтра, вооружившись фонариком, он тут все как следует разведает.

Кладоискатель остервенело рыл землю, как спаниель, почувший в норе мышь. Spина его взмокла от пота, руки становились все холоднее и холоднее. Но все-таки упорство принесло плоды и, наконец, мальчишка очистил люк квадратной формы. Хорошенько уперевшись ногами, Васька двумя руками схватился за кольцо, что было силы потянул на себя. Крышка подрагивала в земле, по периметру люка появилась глубокая трещина, но подниматься деревянный щит не хотел. Может быть, Васька так и не смог бы проникнуть

в тайны скита, но по физике у него была твердая пятерка, и он очень хорошо помнил слова Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я чего хочешь переверну!» Точка опоры в виде дубовой балки здесь была, оставалось найти рычаг. Погруженный в свои мысли, Васька даже забыл о колоде с останками отшельника и вышел наружу, совершенно уже не думая о хозяине скита. Побродив кругом, он обнаружил полуобгоревший толстый и длинный сук, отброшенный от дуба во время удара молнии. Сам черный труп дерева лежал рядом, но он Ваську не интересовал. Пригибаясь, хотя створ двери позволял этого не делать, Васька пробрался обратно в скит и первым делом снял со своего лука тетиву. Сложив веревку вдвое, он продел ее в кольцо, завязал узел и накинуд бывшую тетиву на рычаг.

– Раз-два, взяли! – скомандовал он себе и, налегая на сук, громко хыкнул. Хотя это хыканье само по себе не могло помочь делу, тем не менее привычка поддерживать работу именно таким образом в Ваську въелась, и он продолжал хыкать до тех пор, пока люк не стронулся с места.

– Ага! – закричал мальчишка, но тут же опасливо покосился на колоду.

Тихий, скребущий звук, который шел от колоды, заставил покрыться лоб Васьки испариной. Теперь ему уже было не до люка. Мальчишке показалось, что покойник скребет своими костяными пальцами по стенкам самодельного гроба и вот-вот встанет. Васька уже готов был бежать прочь из страшного

дома, но тут заметил, как ветер трепыхает небольшой сухой лист, застрявший в паутине. Лист слегка царапал по бревну. Сообразив, что он испугался именно этого звука, Васька перевел дух, вытер холодный, липкий пот и продолжил работу. Приподнять-то он люк приподнял, но что было делать дальше? Если бы у него был напарник, то можно было бы положить под люк какую-нибудь бревнуху. Васька нахмурился. Пришлось снова выходить наружу и отламывать от злосчастного деревца еще один толстый сук. Теперь одной рукой нажимая на рычаг, который поднимал люк, другой Васька загонял под деревянный щит сук, чтобы крышка не опускалась на место. Вскоре люк оказался открытым наполовину, и Васька, хыкнув, крякнув и хмыкнув одновременно, навалился на два своих рычага. Люк встал вертикально, качнулся разок-другой, словно выбирая, куда ему лучше упасть: в старое, уютное гнездо или на спину. Васька помог в этом решении, и люк, громко хлопнув всей своей плоскостью, обнажил белесый от плесени живот – упал на спину, кольцом к земле.

Исследователь наклонился над дырой, обнажившейся в земле. Все, что он разглядел – полусгнившие буро-зеленые ступеньки, которые вели куда-то в темноту. Без огня даже Васька, который считал себя упертым материалистом и не верил ни в бога, ни в черта, вперед двигаться не хотел. С сожалением пришлось констатировать, что на сегодня изыскательные работы можно было прекращать.

Отвязав тетиву от крышки и снова приспособив ее на лук,

мальчишка вылез из подпола, поднырнул под дверной косяк скита. Оглянувшись, не заметил ли кто, что он здесь бродит, Васька, поднатужившись, приставил остатки двери на прежнее место. Отряхнув брюки и рубашку от налипших комочков грязи, пыли, мха, плесени и паутины, обильно собранной в скиту, Васька огляделся и выбрал нужное направление.

ВЕДИ меня, мое чутье

Не пройдя и десяти шагов, он неожиданно чуть не наступил на потерянную стрелу. Обрадовавшись, мальчишка подхватил ее и, ускорив, насколько позволяла чащоба, шаг, принялся выбиратья на поляну с горелым деревом.

Просвет уже виднелся впереди, как вдруг перед Васькой, как выросший мгновенно гриб, нарисовался чудной старикашка. Он стоял у комля поверженной бурей разлапистой ели, сложив руки на животе и участливо поглядывал на Ваську, будто тот был не спешащим домой мальчишкой, а маленьким потерявшимся щенком. Вид незнакомца Ваську смутил. Обряжен он был в выдавшую виды телогрейку с двумя заплатками из синей байки. Штаны на нем были какие-то чудные: белые с продольными бордовыми полосками. Заправлены они были в замурзанные кирзовые сапоги с отворотами. Голова старикашки была лысая. Остатки волос на затылке, усы и борода были абсолютно седые.

– Вот, внучек, – прошамкал старческими малиновыми губами незнакомец. – Шел-шел по лесу, присел, старый, отдохнуть, дальше пошел, а кошелочку-то свою и оставил. Туда-сюда бросился – а нетути! – печально развел он руками. – Старый, а как малый, – виновато потупился он. – Ты бы, внучок, помог мне найти кошелочку-то? – прошамкал старик. Секунду он помедлил, будто решая, чем бы привлечь маль-

чишку на свою сторону и добавил:— А я бы тебя потом яичком вареным угостил. Там оно, в сумчонке...

Честно говоря, Ваську страшно изумило, что он встретил в этой части леса человека. Всех деревенских из Карасёвки он знал в лицо. Да и не стали бы они сейчас, в самом начале ягодного сезона, просто шляться по лесу. И одет встречный был не то чтобы странно (некоторые деревенские жители одевались и не в такую хламиду), но покрóй и ватника, и штанов напоминал мальчишке скорее иллюстрацию из русской народной сказки, чем одеяние времен молодости бабушек и дедушек. Пожав плечами, он вежливо ответил старичку:

— Давайте поищем, только недолго, ладно? А то я домой спешу.

— Не долго, не долго, — засуетился старикашка. — Она туточки где-то, туточки должна быть.

За этим последовал неопределенный жест, направляющий куда-то в лес.

— Ты, внучек, иди налево, а я — направо. Как кошелочку-то увидишь, так и кричи: «Дедушка, ау, ау!». Понял меня? А если я увижу, так я аукну.

— Ладно, — согласился Васька и, просеивая глазами землю, двинулся в том направлении, куда ему было указано.

Место тут было неуютное. Куда бы ни смотрел Васька, везде натыкался либо на мокрый мох, либо на яркие шляпы мухоморов, прячущих под красными кругляшами белое хи-

лое тельце. Поганки, гнилые останки бурелома встречались в изобилии. И ни брусничника, черничника, ни даже одной земляничины, хотя кругом, в борах, ягод сейчас было просто завались.

– Ау, ау! – раздалось вдруг из леса.

– Ну вот, – обрадовался Васька. – Нашел, видать, свою сумку, старый недотепа.

Улыбаясь от мысли о рассеянном старичке, Васька двинулся в ту сторону, откуда слышался крик. Однако не успел он пройти и пятидесяти шагов, как ауканье раздалось с другой стороны. Сообразив, что он сделал ошибку из-за эха, Васька развернулся в обратном направлении. Мальчишка продирался через колючие, цепкие кусты метров пятьдесят, когда старичок зааукал с новой стороны. Васька в недоумении остановился и вновь развернулся. На этот раз он бежал вперед трусцой, чтобы успеть поймать старичка, пока тот не перешел на новое место. Под ноги он уже не смотрел и потому, пару раз зацепившись за толстый корень, шваркнулся вниз, едва не разбив лицо.

Склеротик, как обозвал Васька незнакомца, появился перед ним неожиданно, вынырнув из-за толстого ствола лиственницы. Он снова сложил руки на животе, склонил голову и участливо посмотрел на Ваську.

– Ну что, нашли свою кошелку? – довольно бесцеремонно спросил его Васька.

– Не-а, – покачал головой «склеротик».

– Так чего звали? – удивился Васька.

– Я? Тебя? – брови старичка картинно поползли вверх. – Я тебя не звал.

– А кто же аукал? – изумился Васька.

– Это? Это грибники, наверное, – пожал плечами старичок. – Ну, давай еще поищем кошелочку-то. Помоги, внучек, помоги, уж больно хороша сумчонка была. Почти новая, триста лет, почитай, всего ношу.

Эти «триста лет» Васька пропустил мимо ушей, потому что время уже подпирало, нужно уже было спешить домой. Так что было бы весьма неплохо поскорее найти эту чертову сумешку и распрощаться с не ко времени приставшим к нему склеротиком.

Не прошло и пяти минут, как в лесу снова зааукали, и Васька нахмурился – это было похоже на глупую игру или на дурацкий розыгрыш.

Васька блукал уже по лесу стараниями странного старичка больше часа. Шар солнца быстро катился к горизонту. Чахлый лес, похожий на седого, неприбранного старика, все меньше и меньше нравился Ваське. Под ногами захлюпала вода, острые сабельки осоки, казалось, вот-вот прорежут штанины. Васька озадаченно осмотрелся. Где же это он оказался? И куда делся старичок? Некоторое время мальчишка покричал-покричал, потом стал думать, как выбираться из неприветливой чащобы. Еще час он бродил по бурелому, все пытаясь узнать местность. Так бы ему, наверное, и пришлось

заночевать в лесу, но совершенно случайно Васька наткнулся на тропинку, пробитую зверьем. Та вывела его, уже во влажных, лиловых сумерках почти к родной деревне.

Дома его, конечно же, ничего хорошего не ждало. Сердитый дед огрел его пару раз черенком грабель, и даже бабушка, подавая ужин, ворчала и грохала тарелками о стол так, словно хотела расколошматить их вдребезги. Наконец, к концу ужина, сердце ее растаяло, и она подтолкнула по направлению к внуку две карамельки – как знак прощения и примирения.

– И где только тебя черти носили? – вздохнула она.

Если бы бабушка знала, как она была права! Потому что Ваську водили кругами вокруг болота именно «черти».

ГЛАГОЛЬ не жжет сердца купцов

Фирма «Полукошкин и Полукошкин» квартировалась в центре небольшого областного города. Впрочем, квартировалась – слишком мягко сказано, поскольку коммерсант Полукошкин, дважды назвавший свою компанию своей нежно любимой фамилией, купил в свое время целый особняк. Теперь он разрабатывал гениальные финансовые планы, укрывшись за толстыми чугунными решетками, прочными кирпичными стенами и за спинами охранников, одного вида которых испугались бы даже злобные горные гориллы.

Хотя Полукошкин и сколотил состояние с помощью банальной спекуляции, сам он считал себя наследником древних купеческих традиций. Прадед Полукошкина, бывший кузнецом в недалеком от города селении, сильно бы удивился, узнав, что его правнук будет таскать у государства все, что плохо лежит, продавать на сторону и называть себя «купцом». Но прадед, на счастье Полукошкина-младшего, уж давно помер и покоился на сельском кладбище под мшистым камнем. А то не миновать бы правнуку крепкой головомойки и затрещин от тяжелой кузнецовой руки.

Сам Полукошкин угрызениями совести не страдал. Он гоголем ходил по своему офису, любил неожиданно врываться в тот или иной кабинет, чтобы проследить, работают ли там люди, не щадя живота своего, на рост его, полукошкинского,

богатства, или занимаются каким-нибудь непотребным делом вроде распития чая. Побродив по офису и попугав служащих, Полукошкин любил расположиться у себя в кабинете с тем, чтобы обмозговать очередную операцию по приумножению своего капитала. В этот раз он решил поделиться новой идеей с главным бухгалтером фирмы Копейкиным и личным телохранителем Мамбой – здоровенным детиной, специально выписанным из Африки ради экзотики и поддержания особого купеческого размаха.

Полукошкин, покачиваясь с пятки на носок, стоял перед большой картой, разложенной на полированном итальянском столе. В данный момент он чувствовал себя Кутузовым, Суворовым и Наполеоном одновременно.

– Видишь, Копейкин, эти две дороги? – вопрошал он главного бухгалтера.

Тот подобострастно кивнул.

– А ты, Мамба, видишь?

– Вижу, – коротко отвечал Мамба, который старался не очень углубляться в дебри едва знакомого ему русского языка.

– А вот скажите мне, – принялся прохаживаться по кабинету Полукошкин, прихлебывая чай с лимоном из стакана в подстаканнике. В данный момент он явно старался походить на Иосифа Виссарионовича Сталина, утверждающего план штурма Берлина. – Ну-с, – обернулся он к телохранителю и деньгохранителю. – И на какую мысль это вас наводит?

Копейкин и Мамба тупо уставились на карту. Мало ли, на какие мысли может наводить карта! Может быть, хозяин желает сыграть в подкидного дурака, а может быть, здесь где-то изображено лесное хозяйство, и Полукошкин решил поохотиться? Охотник он был заядлый, об этом знали и Мамба, и Копейкин.

– Не видите! – удовлетворенно констатировал тщедушный Полукошкин, ухитряясь с высоты своего низенького роста смотреть сверху и на гиганта Мамбу и на немаленького же Копейкина. – Вот поэтому ты, Копейкин, – похлопал он главбуха по спине, – и есть Копейкин по сути, а я, Полукошкин, – владелец фирмы «Полукошкин и Полукошкин». Вот, смотрите! – не без тайной гордости взял он в руки линейку и шариковую ручку. Он положил линейку поперек двух дорог, изображенных на карте, и прочертил жирную линию. – И что это означает?

Мамба и Копейкин переглянулись. Положительно, сегодня хозяин был настроен играть в загадки.

– Ручку надо новую купить, – наконец выдавил из себя Копейкин. – В этой чернила кончаются.

Полукошкин от такой смелой гипотезы аж поперхнулся чаем:

– Да это же дорога! Олухи вы царя небесного! Обыкновенная дорога! – провел он пальцем по карте вдоль смело начертанной линии. – А вот это что такое? – ткнул он в какую-то точку.

Мамба и Копейкин снова склонились над картой.

– Карасёвка, – прочел Копейкин.

– Едревня, – добавил Мамба, который не только плохо говорил по-русски, но также скверно и читал.

– Сами вы едревня. Африканская... – презрительно поддел его Полукошкин. – Это не просто деревня Карасёвка. Это брошенная деревня! А раз деревня, значит, там есть место, расчищенное от леса и подготовленное... для чего?.. – Глянув на растерянные физиономии своих помощников по бизнесу, Полукошкин досадливо поморщился: – Площадка для строительства, – наконец выдал он разгадку. – Видите, две дороги в разных областях идут параллельно. И для того, чтобы водителю попасть из одного города по этому шоссе в другой город, который располагается по другому шоссе, нужно давать вон какой крюк, чуть ли не в сотню километров. Мы же проведем дорогу напрямик. Да не простую дорогу, а, естественно, платную. Скумекайте, сколько водители сэкономят времени и бензина и сколько на этом я заработаю.

Копейкин с уважением посмотрел на Полукошкина. Хоть Полукошкин временами и казался совсем ненормальным типом, голова у него в редкие минуты просветления работала на все сто.

– А здесь, на месте Карасёвки, мы построим автозаправку, – тыкал, словно бомбардировал, карту Полукошкин, – мойку, благо здесь есть река, технический центр по обслуживанию автомобилей, магазины, гостиницу, ну и всякого

другого по мелочи.

– Так ведь это, – склонился над картой Копейкин, – природоохранная зона. – Здесь написано, – прочитал он комментарий к карте, – что это заповедник. Тут леса древние, еще со времен Владимира Красное Солнышко стоят.

– Так теперь подвинутся, – пожал плечами Полукошкин. – Свозим всяких начальников из природоохранных комитетов да санэпидстанций в эту Карасёвку на охоту, несколько презентов – и дело в шляпе!

Копейкин спорить не стал. Он знал, что подобные операции Полукошкин проворачивал уже неоднократно, и потому ни минуты не сомневался в его возможностях.

– Значит, так, Копейкин, – перешел в фазу активных действий предприниматель. – Ты создаешь мобильную группу быстрого реагирования. – Полукошкин любил пользоваться военной или полувоенной терминологией. Она, как ему казалось, придавала всем деяниям фирмы большую значимость. – Нам нужны в первую очередь бульдозеры, тягачи, позже – самосвалы, грейдеры и асфальтоукладчики. Найди всех, кого надо, заключай контракты. А я пока посетую эту самую Карасёвку, проведу рекогносцировку. Уезжаем сегодня же после обеда.

Мамба из-за плеча шефа с тоской поглядел на зеленое пятно на карте. Не нравилось ему это место. Да ничего не напишешь – раз взялся он охранять Полукошкина, теперь придется терпеть.

ДОБРО покойного отшельника

Наутро Васька, очистив кроссовки от болотной грязи и прилипшего мусора, скрылся в сарае и принялся активно делать вид, что он чем-то там, в сарае, жутко занят. На самом деле он внимательно следил за домом с тем, чтобы улучшить момент и как можно быстрее смыться в лес. Станный скит никак не выходил у него из головы. И уж тем более темный лаз в погреб, в котором могло обнаружиться что-нибудь потрясающее, что-нибудь такое, такое... Но сколько Васька ни напрягал воображение, перед его глазами вставал всего лишь старый, изъеденный ржавчиной железный сундучок со спрятанными внутри золотыми монетами. Впрочем, и такая находка была бы очень и очень кстати. Прикидывая в уме, сколько может стоить такое богатство, если сдать его за процент в музей, Васька громыхал вещами в сарае – отыскивал фонарик. Ну вот он, наконец! Васька выудил с полки жестяной помятый фонарь и защелкал кнопкой. Конечно, батарейки сели. Интересно, цела ли лампочка? Пришлось фонарик разобрать, посмотреть на нить накаливания у лампочки, убедиться, что она в порядке. Старые, окислившиеся батарейки он выбросил тут же, побежал домой и вынул из плеера, который он привез с собой из города, парочку новых батареек. Фонарик тут же засветился и, чтобы не тратить энергию и не выказывать своих намерений, Васька его поспешно выключил.

Прошло полчаса. Васька, кроме фонарика, уже запасся и ножиком, и, на всякий случай, краюхой хлеба, и спичками, и веревкой, а дед и бабка все крутились вокруг дома. Но вот хлопнула калитка: кто-то пришел.

Мальчишка выглянул из-за угла сарая и увидел маленькую, сухонькую старушонку. Ее глаза, живые, светлые, с хитринкой, поблескивали из-под надвинутого на лоб платка. Хотя бабке Настасье, по слухам, и перевалило за сто лет, двигалась она сама и ходила довольно споро. Васька при виде гостыи поспешно юркнул поглубже в сарай. Хоть он и любил бабку Настасью (к которой иногда посылала его родная бабушка, чтобы отнести молока), но немножко и побаивался. Во-первых, потому, что в деревне ее держали за знахарку, а это в глазах Васьки было где-то рядом с колдуньей. Во-вторых, бабка Настасья действительно обладала неким даром, казалось, видела она Ваську насквозь.

Как-то задержался он с молоком около пруда, а соврал, что шел от дома не останавливаясь. Бабка Настасья едва взглянула на него и сразу рассказала, как все было: как он из дома вышел, да где задержался, да что делал. С тех пор Васька опасался говорить при ней неправду и даже преувеличивать. Вот и сейчас лучше было бы с ней не встречаться, а то еще узнает про скит да про гроб, тогда ему вовеки в подпол не попасть.

На этот раз бабка Настасья не только не помешала его планам, но и, наоборот, помогла, потому что и бабушка, и де-

душка вышли во двор и, торопясь, пошли куда-то с ней по делам.

– Мы, внучек, скоро! – крикнула во двор бабушка. – Далеко не уходи. Часика через четыре будем.

Часика через четыре! Это-то Ваське и было нужно! Когда процессия предков скрылась за поворотом, Васька подхватил свое нехитрое снаряжение и бросился в лес. Дверей запирать нужды не было: в Карасёвке отродясь замков и запоров нигде не держали.

Быстрым шагом Васька углубился в лес и начал даже было что-то насвистывать маршевое. Но чем дальше он пробирался в чащобу, тем медленнее становились его шаги, а веселый военный марш вдруг стал напоминать другой марш – похоронный. Как-то некстати вспомнился страшный скелет в колоде, затянутой паутиной, старичок с его дурацкой клеенчатой сумкой, хлипкое болото. Мальчишке пришлось даже как следует потрясти головой, чтобы этакие мысли не отвлекали его перед важной операцией. Но ноги сами собой замедляли шаг, будто чугунели с каждой секундой.

– Что за наваждение! – зевнул Васька, которого стало неудержимо клонить в сон. – А ну-ка, пробегусь я вперед. Кого только я тут боюсь? Диких зверей, разве что?

Пробежавшись резвой рысью и даже немного запыхавшись, Васька наконец остановился у обожженного молнией дуба. Теперь осталось пройти метров сто, и он у цели. Отшагав по выгоревшему лесу и углубившись в лес уцелевший,

мальчишка аккуратно посматривал кругом. Он шел уже минут десять, но ничего похожего на то, что он видел вчера, не было.

– Что за ерунда! – разволновался Васька. – Не могли же этот скит за одну ночь растащить! Он развернулся кругом и вскоре снова оказался на поляне с черным деревом. – Попробуем отойти в сторону, – решил он.

Прошагал вдоль поляны метров тридцать и снова углубился в лес. Но и на этот раз ему не повезло. Не увидел он ни скита, ни каких-либо его следов. Пришлось снова возвращаться на поляну, отмерить вдоль нее еще двадцать метров. И снова искать.

Васька потерял, наверное, целый час, пока вдруг, обогнув толстенное, в три обхвата, дерево, настолько древнее, что мох с него свисал целыми гроздьями, увидел притулившийся между вековых елей скит. Мальчишка мог бы поклясться, что вчера он стоял совершенно на другом месте. Но это была уже какая-то чертовщина, а в нечистую силу Васька не верил, хотя это неверие и не спасало его сердце от тонких коготков страха, которые царапали грудь. Похолодевшими пальцами он отодвинул бывшую дверь скита и заглянул внутрь. Нет, похоже, тут ничего не изменилось. Так же в углу стояла колода, так же лежала откиннутая крышка и так же заманчиво и одновременно угрожающе чернела лестница, уводящая в подпол. Чтобы пересилить страх, Васька заставил подойти себя к колоде, в которой покоились останки

отшельника. Он заглянул в колоду и вздрогнул. Опять ему стала мерещиться всякая жуть. Казалось, вчера скелет лежал не совсем так, как сегодня, да и паутинки в некоторых местах были порваны.

– Чушь! – хмыкнул про себя Васька, замирая от ужаса. – Птица, наверное, какая-нибудь залетела да и села ненароком.

Идея проявить мужество блестяще провалилась, и теперь Васька готов был поскорее уйти из этого мрачного места. Он постоял у дыры, вынул фонарик и зажег свет. Яркая лампочка будто развеяла по сторонам его страхи.

– Так, так, так, – заинтересованно процедил Васька, увидев земляной пол погреба.

Прежде чем спускаться по ступенькам, мальчишка потрогал концом своего лука-лыж ступеньки. Те тут же рассыпались в прах. Васька похвалил себя за предусмотрительность: наступи он сейчас сюда – и полетел бы вверх тормашками. Хорошо, если бы без переломов обошлось. Васька уже собирался прыгнуть в темноту, но вдруг остановился.

– Интересно, – подумал он, – если я сейчас туда сигану, обратно-то я смогу вылезти?

Действительно, стенки у погреба были отвесными и забраться по ним было бы проблематично. Васька привязал кусок веревки к балке и спустил ее вниз. И только после этого спрыгнул на землю сам. Она мягко спружинила под ним, будто матрац. Васька увидел, что он стоит ногами на тугом переплетении корней деревьев. Фонарик выхватил из темно-

ты прямой желоб, который вел под землю чуть под уклон. Хотя мальчишке и хотелось завершить операцию как можно скорее, он сообразил, что раз погреб был спрятан под полом, и крышку закрывали тесовые доски, то тут для непрошенных гостей могут быть приготовлены ловушки. Прощупывая впереди себя путь лыжей, Васька осторожно продвигался вперед. Так и есть! Пол впереди при нажатии лыжи вдруг с шумом осыпался вниз. Васька мелкими приставными шажками подошел к краю ямы и повернул фонарик вниз. В клубе пыли он заметил остро заточенные колья, на которых неминуемо бы оказался, если бы не подстраховался. И опять ему захотелось поскорее уйти домой и забыть о страшном ските. Но ловушку-то он уже нашел! Значит, самое страшное позади?

Перекинув лук через провал и положив его на ребро, Васька осторожно взялся руками за корни, которые свисали с потолка, ступил на лыжу и перешагнул провал. Дальше дело пошло легче. Васька обнаружил друг напротив друга два ответвления: одно вело направо, другое – налево. Но, увы, оба были абсолютно пусты. Основной туннель также вскоре обрывался. Васька не сделал и десяти шагов, как тупо уставился в стенку. Выходит, никакого клада здесь и не было? Тогда зачем было устраивать ловушку? Две ловушки, – тут же поправил он себя, увидев, что прямо из стены, торчит хищный клюв стрелы. Васька от испуга тут же присел и постучал кончиком своего лука по стреле в стене. Наконечник упал вниз, и Васька понял, что не сносить бы ему головы,

если бы из-за давности лет тетива у самострела не сгнила бы, а вместе с нею и стрела. От смертоносной ловушки остался только железный наконечник. Васька подобрал его и положил в карман. Это, конечно, не сундук с сокровищами, но хоть что-то.

Тяжело вздыхая и вытирая пот рукой, потому как под землей было еще жарче, чем на поверхности, Васька двинулся в обратный путь и вскоре оказался у входа в подземелье. Он выбросил наружу лук и, упираясь ногами в стенку, подтягиваясь на руках за веревку, выбрался наружу.

Вот тебе и клад! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Ну ладно, по крайней мере он все тут разведаль, теперь надо идти домой, а то еще встретишь опять того психанутого дедушку с кошелкой.

Васька, тяжело дыша и вздыхая, подошел к колоде и посмотрел на скелет отшельника. Что же, все-таки, он скрывал? Ведь не стал бы этот человек за здорово живешь копать такое подземелье, вынимая тонны земли, утрамбовывать стенки, ставить ловушки, и все это только для того, чтобы дело окончилось пшиком? Но все это были вопросы, на которые Ваське ответить никто не мог. Скелет лежал недвижно, уставившись в Ваську пустыми глазницами черепа, и только серебряный крестик тихонько покачивался из-за сквозняка.

Кладоискатель впал в какое-то состояние, похожее на полусон. Ему одновременно казалось, что он спит дома на печ-

ке и видит во сне и этот скит, и эту колоду, и останки отшельника в нем. И, с другой стороны, ему казалось, что стоит он именно здесь, сейчас, а дом и печка всплывают словно бы во сне. Рука его как бы сама собой потянулась к простому серебряному кресту, перечеркнутому внизу косой поперечной линией.

«Хоть чем-нибудь поживиться», – мелькнула в его голове мысль. И тут Васька будто бы проснулся и отдернул руку. Что за бред!

Эдак он скоро могилы начнет разрывать, чтобы снимать с покойников кольца и цепочки! Раньше бы ему такая мысль и в голову не пришла! Нет, надо выбираться отсюда поскорее. Что-то тут творится неладное. Васька резко развернулся, подхватил лук и двинулся прочь из скита, не потрудившись даже прислонить к проему так называемую дверь.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как застыл на месте и со всех ног кинулся обратно. Ну конечно же! Крест! Вот где разгадка! Ведь не случайно подземелье было сделано отшельником в виде креста. Васька исследовал прямой коридор, тот, который отходил от него направо под углом в девяносто градусов, и налево – точно такой же. И оба они были пусты. Но ведь на крестике, который болтался между ребер отшельника, была еще и косая черта внизу! Значит, согласно логике, где-то должны быть еще два боковых коридора.

Даже не коснувшись веревки, Васька спрыгнул в подземелье, зажег фонарик и принялся концом лыжи простукивать

правую стенку. Вскоре он добрался до провала, перебрался через него и не успел и пару раз стукнуть лыжей, как понял, что нашел тайник. Он поднажал на стену, которая отзывалась глухим звуком, руками. Что-то заскрипело, и стена, обрушив вниз комки глины, рухнула. В неглубоком тоннельчике, который пересекал главный тоннель чуть наискосок, Васька и нашел сундучок. Почти точно такой же, какой грезился ему в мечтах.

Сундучок заперт не был. Васька, осторожно поддев лыжей верхнюю его рукоятку, откинул крышку, которая тут же сорвалась с прогнивших петель и упала на пол. Внутри что-то лежало. Что-то, завернутое в полуистлевшую холстину. Васька смотрел много фильмов об искателях приключений, в первую очередь о неумоимом археологе Индиане Джонсе, и потому везде вокруг сокровищ видел подвох. Поэтому холстину он развернул опять же краем лыжи и разглядел книгу. Естественно, она была старинной, естественно, что была заключена в твердую металлическую обложку и застегнута хитрым замочком с медной бляхой.

Не заметив ничего подозрительного, Васька закинул лук за спину и вынул из сундучка книгу. Кроме этой находки, в сундучке больше никаких сокровищ не наблюдалось. Вряд ли они могли быть спрятаны где-нибудь в стенках, поскольку те не были толстыми.

– Ну ничего, – не стал расстраиваться Васька. – Остался ведь еще один тайник!

Найти его не составляло никакого труда. Васька развернулся, вышел в главный туннель и нажал руками на стенку напротив. Та обвалилась от первого прикосновения и вскоре в мутном свете фонарика, который светил как-то испуганно, Васька увидел двойник сундучка, который он только что исследовал. И на этом сундучке запоров не было, а внутри завернутая в ту же холстину, лежала бутылка с какой-то жидкостью. И больше ничего: ни золотых монет, ни драгоценных камней, ни аметистовых ожерелий ни даже каких-нибудь банальных алмазов.

Удрученный Васька некоторое время побродил по подземелью, тыкая руками то направо, то налево, но больше никаких тайников не обнаружил.

Аккуратно сложив находки в рубашку, Васька завязал ее рукава узлом, так что у него получился увесистый тючок. Он привязал его к концу веревки, которая свисала сверху, сначала выбрался сам, а потом вытянул наверх и тючок. После он аккуратно прикрыл крышку подземелья и столь же аккуратно поставил на место дверь скита.

Стоило ему дойти до ближайшего орешника и оглянуться, как скита он уже не увидел, будто тот сквозь землю провалился.

Но разгадывать тайну скита ему сейчас было некогда. Так хотелось посмотреть, что же именно он нашел, ну просто невтерпеж!

ЕСТЬ такая буква – «Птица Сири́н»!

Ваське вдруг стало как-то не по себе, особенно на поляне, у черного дерева. Он поскорее зашагал в сторону дома. На свое счастье, никаких старичков, обронивших сумку, или других бедолаг, которые могли задержать его в пути, он не встретил. Вот, наконец, и знакомая роща. Васька осторожно подкрался к забору и принялся высматривать, не вернулись ли бабушка и дедушка и не достанется ли ему сейчас на орехи. Но никого ни на скотном дворе, ни в доме видно не было. Обрадованный Васька юркнул в сарай и оттуда по приставной лестнице быстро взобрался на сеновал.

Там было парко, как в бане, когда вода в котле уже закипела, но двери еще не закрыли. Травинки сена стали немилосердно щекотать Васькину голую спину, и без того покрытую укусами комаров, но сейчас мальчишке было не до них. Он развязал рукава рубашки и положил находки рядом. Перво-наперво надо было взяться за книгу. Васька аккуратно осмотрел медный замочек, покрытый окислившейся прозеленью, поддел его ногтем. Послышался тихий щелчок, и книга, будто до того сжатая пружиной, открылась. На желтоватой, словно подпорченной протекшей водой, бумаге, были начертаны буквы. Первая из них – буква «П» – была красиво

нарисована в виде птицы сирина. Остальные были изображены не с такой выдумкой, хотя чувствовалось, что автор книги работал над каждой из них отдельно.

– Пред лицом моря, – повел палец вдоль строчки Васька, – возсияет свет, и будет день светел. И возрадуются людие и все православные христиане – дни просвещение. Тако и ты, человеце, возрадуешься орудию своему. Что думал и гадал, то все радостию совершится. Аще мечищи о пути или о дому, или от недруга боишися, в путь поиди, честен будеши. Добра меть.

Васька огорошенно посмотрел на книгу: что за ерунда? Читал он вроде бы русские буквы или, по крайней мере, похожие на русские, и слова будто бы были знакомые, а общий смысл от Васьки ускользал, словно только что прочитал он несколько предложений на иностранном языке. Что такое «возсияет свет» и «будет день светел», понятно. А что это еще за «аще мечищи» или «добра меть»? Васька недовольно закусил губу. Положительно, клад ему достался в полном смысле слова загадочный, с которым предстоит еще возиться и возиться.

Подцепив ногтем страницу, он перевернул ее и снова углубился в чтение.

«Аз есмь инок смиренный Иннокентий, глаголемый облакопрогонником, и чяровником и хранителником, и волшебником, и волхвом, и обавником, и зелеиником, посему канонном запрещение принял 50 лет по заповеданным степенем:

рядом 30 лет внутри пребывания, вне церкви – 20 лет, молитвы без просвиры и без комкания».

Дочитать книгу Васька не успел бы и до глубокого вечера, а уж понять, о чем в ней говорилось, – тем более. Его учебные занятия прервал рев какого-то мотора, не похожего ни на пулеметную стрельбу единственного в деревне мотоцикла, ни на кашель дедовой бензопилы. Васька мигом соскочил вниз со своего наседа на сеновале и выбежал на улицу. Торопился он не зря: посмотреть тут было на что. Посреди улицы, порывивая мотором, будто решая, на кого бы броситься, стоял новенький, правда, весьма запыленный, джип. Он двинулся чуть вперед, замер, будто принюхиваясь, и вдруг мотор его утих, дверцы распахнулись. Первым наружу выбрался маленький, худенький мужичонка в очках с уверенными, властными движениями. С водительского места наружу вышел самый натуральный негр, да еще огромного роста, что называется, под потолок. Васька, чуть прикрыв рот от изумления, смотрел на невиданных гостей. Интересно, что им в Карасёвке понадобилось? На чудо-машину пришли посмотреть и дедушка с бабушкой вместе с бабкой Настасьей.

– Хорошая машина, – одобрила бабка Настасья джип. – Навозу много войдет, ежели его на поля возить.

– Много ты понимаешь! – отмахнулся дед Ваня. – Это же жип – специальная машина, по городу ездить, по казино и театрам там всяким.

– По городу-то сподручней на «Москвиче» ездить, – не

согласилась баба Настя. – А на жипе этом надо навоз возить. Большая машина, хорошая.

Прибывшие тем временем никакого внимания на сельских жителей не обращали – словно их здесь и не было. Мужичонка разложил на капоте машины большую карту, ориентировал ее по местности и, словно вождь, указывающий направление своей армии, стал тыкать руками в разные стороны:

– Вот здесь пройдет автострада. Здесь вот выход к реке – мойку поставим. На месте этих двух изб – самое место под супермаркет. А рядом, вон где коровы пасутся, – гостиница.

Мамба на каждое слово Полукошкина вежливо кивал, всем своим видом показывая, что если шеф прикажет, здесь проложат и две автострады параллельно друг другу, и поставят две мойки на голову друг другу, и четыре пятизвездочных гостиницы. Почему? Потому что так Полукошкин сказал.

Сельские жители внимали словам неизвестного мужичонки с тихим изумлением.

– Вон тот лес, – махал Полукошкин руками, как мельница, – вырубим. Ту рощу тоже сведем. Этот затон закопаем. Работы тут на один сезон. Со следующего года начнем получать чистую прибыль!

– Это в каком же смысле рощу сведем и затон закопаем? – вылез вперед дедушка Ваня. – В этом затоне карпы живут, а в роще – орехи водятся.

– Скоро здесь только шоферы да туристы водиться будут, – сухо пояснил Полукошкин деду Ване. – Будет здесь большая стройка. А для вас мы тут рядом панельную многоэтажку построим. Будете, наконец, жить, как люди.

– А что, сейчас, – обиделся дед Ваня, – мы как нелюди живем? И в каком это смысле здесь строительство будет? А нас-то кто спросил? А ежели мы не согласны?

– А вас, дед, – рассердился Полукошкин, – никто спрашивать и не собирается. Видишь, чего написано? – ткнул он пальцем в карту. – «Деревня Карасёвка. Брошена». О чем вас еще спрашивать, если вас здесь вообще нет? Ладно, – махнул он рукой Мамбе и собрал с капота карту. – Все здесь в порядке, годится. А нам давно пора отобедать. Слышь, дед, – обратился он к деду Ване, – а где бы у вас тут молочка парного купить? Или бычка забить? Свежатинки хочется.

– Бык вон у тебя рядом, под боком стоит, – кивнул дед в сторону Мамбы. – А за молочком приходи, налью тебе отвар из полыни. Мы ж нелюди. Так что насчет парного молочка извиняйте. А за отравой из травок милости просим.

С этими словами дед развернулся, подхватил бабу Машу и бабу Настю под локти и повел их прочь.

– А ты что тут стоишь? – цыкнул он на Ваську. – Рот разинул. Жипа никогда, что ли, не видел?

Но Васька стоял в растерянности не потому, что разглядывал чудо-машину. Он яснее, чем кто-либо из сельских жителей, представил себе, что здесь начнется, когда сюда приедут

бульдозеры, подъемные краны, экскаваторы. Ведь, действительно, вырубят весь лес и гусеницами всю траву на полянах в клочки разорвут, и поплывут по реке Карасёвке не караси, а радужные пятна от бензина и мазута.

– Это ж надо, – кипятился Полукошкин, скрывшись в теплом и безопасном нутре джипа, – я к ним, как к людям: дом специальный хотел для них выстроить, но они даже молока пожалели мне продать! Так не получают ничего! Снесем к чертовой матери их хибары в один день, а там пусть куда хотят, туда и катятся!

Соглашаться с шефом у Мамбы духу не хватило, но не хватило духу и противоречить, а потому он молча крутил баранку, делая вид, что чрезвычайно занят объездом ям и луж, которых на сельской дороге было более чем достаточно...

Вечером в деревне разговоры вертелись вокруг «жипа» и его верткого хозяина. Дед Ваня кипятился, доказывая, что никто из родного дома выселить их не может, а баба Настя рассказывала всякие жуткие истории, которые поведала ей внучка. О том, как внучку в городе выселили из общежития за то, что она вовремя не продлила какую-то регистрацию. О том, как ее оштрафовали, о том, как пришлось везти бо-чонок меда местному начальнику, чтобы внучку не оставили куковать зимой на улице.

– И раньше-то правды днем с огнем нельзя было найти, – подытожила бабка Настя, – а теперь – тем более. В леса, я думаю, придется уходить нам, в леса, в скит, как инок Ин-

нокентий.

Васька в это время лежал на печке и забавлялся тем, что сооружал из соломинок, выдранных из тюфяка, человечка. Однако услышав знакомое имя, он дернулся так, что стукнулся головой о потолочную балку.

– Иннокентий? – высунул Васька лохматую голову наружу, чем сильно испугал бабу Настю.

– Свят, свят, свят! – закрестила она воздух. – Ты что, Васька, как скаженный? Так ведь недолго и душу Богу отдать.

– Может быть, молочка хочешь? – приластилась к Ваське баба Маша. – Парное, только что доили.

Васька, честно говоря, молоком этим упился, наверное, уже на всю жизнь. Но поскольку ему нужен был какой-то предлог, чтобы участвовать во взрослом разговоре, он сполз на пузе с печки и устроился на лавке рядом с дедушкой.

– А что это за инок Иннокентий? – невинным голосом спросил он.

– Э-э! – махнул рукой дедушка Ваня. – Детские сказки одни.

– Кому – сказки, а кому – и не сказки! – не согласилась с ним бабка Настасья. – Жил здесь святой человек, вернее, родом был отсюда. Потом ушел в Москву белокаменную, там прославился как чудотворец. Но чудеса творил самые что ни на есть земные. Травами людей лечил, мазями, притираниями, банями, в общем, знахарь был, по-нашему. Ну и кому-то там не понравилось это, судили инока Иннокентия, наложи-

ли епитимью...

– Епи... чего? – спросил Васька.

– Наказание, – охотно пояснила бабушка Маша, которая тоже с детства любила слушать истории о самом знаменитом ее односельчанине иноке Иннокентии.

– Наложили, значит, епитимью и сослали сюда к нам обротно, в глухомань. Это сейчас здесь проезжего люда не бывает, а в те времена и подавно – медведи по улицам хаживали.

– Ну уж прямо и медведи! – не стерпел дедушка и усмехнулся в бороду. – Парочками тут, наверное, прохаживались, как по проспекту.

– А тебе бы только всех критиковать, – подначила его бабушка Маша. – Тебе не интересно – ты не слушай. А внуку, может, пригодится: сочинение в школе писать.

– Пригодится, пригодится, – охотно закивал Васька.

– Так вот, люди говорили, – продолжала бабка Настасья, – что инок Иннокентий в Москве скопил несметные богатства. Хотел все это передать на строительство церквей да обосновать новый монастырь, но раз осудили его попы, то денег он им и не дал. Привез все сюда, поселился где-то в лесу, построил скит себе и с тех пор жил в уединении. Однако если в деревне какая хвороба приключалась, с людьми ли или со скотиной, чумка по курам пойдет, или у коровы роды трудные, Иннокентий тут как тут: помогал и снова в лес уходил. Жил он долго-долго. Видать, и вправду святой чело-

век был. Но потом перестал в деревне появляться. И деревенские смекнули – помер он в лесу в одиночестве. Некоторые принялись искать скит Иннокентия, чтобы богатствами, значит, завладеть. Но сколько ни искали – никто так ничего и не нашел. Уж некоторые на том и разорялись: и за скотиной не ухаживали, и огород, и поле бросали, а все напрасно – будто растворился скит Иннокентия в лесу. Правда... – сделала паузу бабка Настасья, как опытная рассказчица, на одном из самых интересных мест. – Налей-ка мне, Машенька, чайку еще!

Пока баба Маша цедила в чашку заварку и сверху заглаживала ее кипятком, бабка Настасья молчала. И только сделав два глотка, продолжила:

– Правда, был один пастушок – блаженный. Пантелеем его звали. Так, рассказывают, однажды отбилась от стада корова. Ну, Пантелей, значит, и пошел в лес ее искать. Долгохонько бродил. Вдруг слышит, будто звуки кто ему подает. Тук да тук, тук да тук. Вышел он на поляну и видит – скит стоит. Да не простой, а в виде остроконечной шапки. А у скита корова привязана стоит. Ну, он-то ее отвязал и дай бог ноги! В деревне вечером все и рассказал. На следующий день пошли туда мужики, куда пастушок указал, да ничего не нашли...

Бабка Настасья пригубила чай, развернула карамельку «Клубника со сливками», а фантик принялась аккуратно складывать в маленький треугольничек. Васька, как замороженный, следил за ее сморщенными, с синими реками вен

руками и от нетерпения ерзал на лавке.

– И еще раз объявлялся скит, – продолжила наконец рассказ бабушка Настасья. – Как-то в ночь на Ивана Купала решила одна девка из нашей деревни в лес пойти. Оно ж известно, что в эту ночь все растения наивысшей силы достигают. И вот набрала она по лесам и оврагам иван-да-марьи, лопуха, богородицкой травы, медвежьего ушка. И тут бы ей остановиться, да захотелось ей погадать. Погадать на замужество. А делали это в те времена разными способами. Скажем, собирает девка двенадцать трав разных в глухую полночь в глухом лесу и кладет под подушку, приговаривая: «Суженый, ряженый, приходи в мой двор погулять!». А есть еще более надежный способ: в первый день новолуния надо, не глядя, набрать цветов да и положить их на ночь под подушку. А утром сосчитать: набралось тринадцать, значит, быть в этом году девке замужем.

Так вот и пошла та девка одна в лес в самую что ни на есть глухую пору. Идет, а и самой уж жутко стало, и не рада, что такую затею придумала. И все ей кажется, что кто-то за деревьями бегают, гукают, чьи-то глаза в темноте сверкают. Страшно! А ведь известно, что всякие люди в лесу встречаются, а тут еще и ночь волшебства. Лихие люди ищут по рощам да борам цвет папоротника, чтобы клад открыть. Ну и нечистая сила, само собой, старается. А то и рассказывают, что зачарованные в купальскую ночь, даже деревья начинают ходить и разговаривать друг с другом. Так вот та девка шла да

шла, и вдруг кто-то на нее с высоты как кинется, как заушает, ну она и давай бог ноги! Бежала куда глаза глядят и очнулась только ближе к рассвету. Глядь – перед ней дом стоит. Изба – не изба, стен нет, одна крыша. Постучалась она туда. Никто не открывает. Заглянула в дверь. В светелке никого, только колода в углу лежит. Подошла она к колоде той, а там мертвец покоится!

– Живой? – поразились баба Маша, наклонившись, чтобы поближе слышать, к двоюродной сестре.

– Живой, как же! – протянула бабка Настасья. – Нет, помер уж давно. Но девка все равно так испугалась, что опять полдня бежала, дороги не разбирая. А к вечеру домой-то и вернулась. Рассказала все деревенским, да не поверили ей. Стали спрашивать: что да как, да где? Откуда ж она помнит, если не знает, ни как на то место попала, ни как с него выбралась?

– Ладно, бабоньки! – решительно привстал с места дед Ваня. – Разговоры разговорами, а нужно со скотиной управляться. – Так что хватит байки заливать да еще и при мальце!

– Байки?! – уперла руки и бока бабка Настасья и ее худенькое лицо покрасилось румянцем негодования.

– Конечно, байки, – спокойно подтвердил свои слова дед Ваня. – Придумают тоже всякую силу нечистую!

– Ты, видать, забыл, – зачастила бабка Настасья, – как тебя в тот год, ну, когда часовня сгорела, Болибошка с лешим по лесу водили.

– А! – досадливо махнул рукой дед, поскольку и вправду такой случай имел место. – Нетрезв был, наверное, вот с пьяных глаз и почудилось.

– Да? – не поверила ему баба Маша. – А когда рассказывал – божился, что как стекло...

– Ну, было, было, – почесал затылок дед Ваня, – никогда в нечистую силу не верил, а тот случай помню хорошо. Да и никакой не Болибошка это был, а так, старичок. Положил где-то свою котомку, да и забыл. С годами, видать, на ум слабый стал. Вот и попросил меня найти. Ну, ходил я, ходил, да и заплутал. А пить тогда я не пил – родитель не велел.

– А старичок небольшого росточку был, – встрял в разговор Васька, – бородка клинышком, голову так набок держит и смотрит жалостливо?

– Ну да, – недоуменно посмотрел на внука дед. – А ты откуда знаешь?

– А-а-а, а мне родители рассказывали про этот случай, – соврал Васька.

– Ах, ну ладно! – наконец оторвался от стола дед Ваня, которому не хотелось больше вспоминать случай, произошедший с ним давным-давно и выставляющий его в невыгодном свете. – Как бы то ни было, никакие черти коров нам не подоят.

Вместе с ним спохватились, поднялись с мест и «бабоньки», и все вместе захлопотали по хозяйству.

Васька потихоньку удалился на сеновал и снова принялся

листать книгу. Но как он ни старался, понимал он в ней мало, хотя некоторые места его заинтересовали. В который раз перелистывая фолиант, Васька понял, что без помощи ему не обойтись. Но никого из взрослых посвящать в свои дела ему не хотелось. Разве что бабушку Настасью. Раз уж она в скит верила, может, и Ваське поверит, что именно оттуда он эту книгу и достал?

Васька в сомнении принялся вышагивать по сеновалу взад и вперед. Но места на сеновале было мало, пробежки получались короткими, и поэтому пришлось снова сесть на место. Червячок любопытства грыз и грыз тонкую нить осторожности и, наконец, та лопнула. Васька, не силах больше сдерживаться, подхватил книгу под мышку и поспешил к дому бабушки Настасьи.

ЖИВЕТЕ и ничего не знаете...

Дом у бабки Настасьи был старый, можно сказать, вековой. У дома росла курчавая травка, потому как никакой скотины бабка Настасья не держала, разве что двух квочек да одного горластого петуха. Васька прошлепал по травке, перепрыгнул через ступеньки крыльца и оказался в прохладных сенях. Дверь бабка Настасья, равно как и другие обитатели Карасёвки, не запирала, да и при всем желании запереть бы не смогла, поскольку на двери не было ни ушек для замка, ни какого-либо запора. Мальчишка дипломатично постучал, и бабка Настасья тут же откликнулась:

– Заходи, Васятка, не стой в сенях, ноги застудишь!

Ну вот откуда она узнала, что пришел именно Васька, ведь окна ее комнаты выходили не на ту сторону, откуда он пришел! Сжав губы, Васька решительно шагнул вперед.

Изба у бабки Настасьи была теплая, просторная и светлая. Пол был по старинке выскоблен, кругом витал запах сушеных трав, которыми были увешаны и стены, и обложен палатный брус. Была здесь и цикута, и белена, и корень лапчатки, и богородицкая трава, и волчьи ягоды в берестяном туеске, и корень морковника, подвешенный за маленький хвостик на шпагатике, и корень папоротника, и куриная слепота, и паутинник, и земляные орехи, и кунавка, и бузинный цвет. В углу, над уютно потрескивающей лампадкой, висела ико-

на. Строгий лик Спасителя взирал на Ваську, беспристрастно взвешивая все его доблести и прегрешения. Сама бабка Настасья, вооруженная очками, перекладывала какие-то старые фотографии. Васька не знал, как начать разговор, но его подхватила сама хозяйка дома:

– Проходи, Васятка, садись. Молочка хочешь? – пронизательно глянула старушка на него поверх очков. – А что это ты в руках такое держишь?

– Вот! – бухнул перед ней на стол Васька книгу. – В лесу отыскал. – И, помолчав, добавил: – В скиту, в том самом, о котором вы рассказывали. Но вы, наверное, не поверите?

– Почему же не поверю? – при виде фолианта с подгнившей свиной кожей на обложке и зелеными от окиси медными пряжками бабка Настасья привстала из-за стола. – Я ить неспроста про девку-то рассказывала так хорошо и ладно. Девкой той, которая в лесу заблудилась и скит видела, была я сама.

– Да вы что? – поразился Васька. – Что ж вы тогда этот скит не исследовали?

– Посмотрела бы я на тебя, когда б ты покойника в колоде увидал, – буркнула бабка Настасья и тут же спохватилась: – Так ты ж, выходит, тоже там был? И клад раскопал?!

– Нет, клада там не было, – отрицательно повертел головой Васька. – Вот только книга эта и флакон с водой какой-то.

– Как это клада не было? – растерялась бабка Настасья. –

А может, нечистая сила тебе мешала? Ты когда к скиту подошел, не видел рядом, чтоб крутилась собачка лайка? Маленькая, цветом белая? Или сороку-щекотуху, белобокую птицу такую? Это выюн и щекотун, они все клады охраняют. Особливо те, которые в лесу затворены.

– Нет, не видел я никаких собак и птиц тоже, а вот отшельника того видел и крест на нем. По кресту-то я и догадался, что там тайники были.

– Эх! – покачала головой бабка Настасья, – пришел бы ты ко мне, я бы тебя научила, как клады-то вынимать. Перво-наперво, надо бы его заговорить. Встать перед кладом, осенить себя крестным знаменiem и сказать: «Пойду в чистое поле, в леса дремучие за черные грязи через океан-море, за болотом мне много положено, мне приходится взять. Отойди же ты, нечистая сила! Не вами положено, не вам и стеречь!». А не видел ли ты в ските святого Иннокентия цепи золотой с иконой Богородицы в золотой ризе? Или лампадки неугасимой подвешенной?

– Нет, не видал ничего, – признался Васька.

– Ну так клад, по всему разумению, в землю-то и ушел. А, впрочем, может, и сам инок Иннокентий деньги бедным, сирым да убогим роздал. К чему они ему были в глуши? А книга, выходит, осталась...

– Да, осталась. Только я в ней не понял ничего, – признался Васька. – Написано вроде русскими буквами, а читаешь – и ничего! Наверное, это какой-нибудь старославян-

ский язык.

– Это, – взглянула на листы бабка Настасья, – это, мой дружок, скорее, церковнославянский. Пред лице моря, – принялась нараспев читать бабка Настасья. – возсияет свет, и будет день светел.

– Да я это уже видел, – уныло сказал Васька.

– Ты видел, а теперь дай мне посмотреть, – перебила бабка Настасья и дальше уже читала не вслух, а про себя, но шевелила своими старыми, морщинистыми губами совсем как маленькая. Ясно, – кивнула она. – Пред ликом моря возсияет свет, и день будет светел, и возрадуются люди и все православные христиане дням освещения. Так и ты, человек, будешь рад своей жизни. Что думал, гадал – все успешно свершится. Если не знаешь, добрый ли путь тебе предстоит, или врага опасаясь, отправляйся в дорогу, все обойдется. Знак хороший дам тебе свыше. Записки эти пишет смиренный инок Иннокентий, названный облакопрогонником и колдуном, и волшебником, и волхвом, и гадалыщиком по звездам, и знахарем-шептуном. И за то подвергнут несправедливому и злomu наказанию: лишен причастия на 50 лет в определенном порядке: 30 лет грехи замаливать, 20 лет вне церкви быть, с дозволением только молитвы читать без просвиры и без причастия.

– Здорово они его укатали! – оперся рукой о стол Васька и возложив на нее подбородок. – Пятьдесят лет – это тебе не хухры-мухры! Видать, круто он им насолил, Иннокентий

этот.

– Не колдун он был, – досадливо тряхнула головой бабка Настасья. – Лекарь, травник. Вот и все. Умел хворобу снимать, за то ему и завидовали. А был бы колдуном, сидел бы, небось, в палатах царских, а не в лесной глуши в скиту. Но не мешай мне, а то я и сама не шибко эту грамоту разумею...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.